

DOI 10.15826/qr.2018.1.283

УДК 94(470)"14/17"+929Петр(470)*I+325.14+331.55

ВЕРБОВКА ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ ФРАНЦИИ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I*

Владислав Ржеуцкий

Германский исторический институт,
Москва, Россия

Дмитрий Гузевич

Центр исследований России, Кавказа и Восточной Европы
Школы высших социальных исследований,
Париж, Франция

RECRUITMENT OF FOREIGN SPECIALISTS FROM FRANCE AND FRENCH-SPEAKING SWITZERLAND DURING THE REIGN OF PETER I**

Vladislav Rjéoutski

German Institute of history,
Moscow, Russia

Dmitri Gouzévitch

Study Center of the Russian, Caucasian and Central European Worlds,
School for Advanced Studies in the Social Sciences,
Paris, France

The recruitment of specialists in Europe was practised by Russia well before the reign of Peter the Great, at least as early as the fifteenth century. However, neither the extent nor the frequency of recruitments at this period can be

---

* Статья написана в рамках подготовки биографического словаря «Иностранные специалисты в Петровской России: выходцы из Франции и франкоязычной Швейцарии», см.: [Ржеуцкий, Гузевич].

** *Citation:* Rjéoutski, V., Gouzévitch, D. (2018). Recruitment of Foreign Specialists from France and French-speaking Switzerland during the Reign of Peter I. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283.

Цитирование: Rjéoutski V., Gouzévitch D. Recruitment of Foreign Specialists from France and French-speaking Switzerland during the Reign of Peter I // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283 / Ржеуцкий В., Гузевич Д. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283.

compared with what happened during Peter's reign. Not only did the general context evolve considerably with the arrival of Peter, but also the methods used in the recruitment of specialists. As the data concerning the French in particular show, these recruitments became increasingly targeted and the profiles sought increasingly specialised. In Russia, the general context was also increasingly favourable to this professional emigration. Religious isolationism and suspicion of foreigners were less widespread under Peter I; attempts to make foreign specialists convert to Orthodoxy, so frequent before the reign of the tsar, had become unusual. Finally, a stable legal base appeared which made it possible to conclude contracts with foreigners helping to increase their confidence and thus to favour recruitment. However, this mechanism, apparently very efficient, did not always bring the results expected. The efforts of the tsar's agents were often sabotaged on the spot, and foreigners were treated badly. The example of the French speaks for itself: some were sent back to France by the authorities themselves for various reasons, others, discontent with their situation, either because they were not paid or did not have work, were easily lured away by French diplomats and put on boats destined for France.

Keywords: history of Russia, 15th–18th centuries; reign of Peter I; immigration; foreigners in Russia; recruitment of foreign specialists.

Рассмотрена политика целенаправленного приглашения иностранных специалистов на службу в Россию. Показано, что их набор в Европе осуществлялся задолго до царствования Петра Великого – по крайней мере, с XV в. Однако его масштабы не могут сравниться с тем, что происходило во время правления Петра I. Как показывают данные, касающиеся, в частности, французов, такие наборы становились все более целенаправленными, а искомые профили – все более специализированными. В России общий контекст также все более благоприятствовал такого рода «профессиональной эмиграции». Религиозный изоляционизм и подозрительность в отношении иностранцев меньше проявлялись при Петре I; попытки заставить иностранных специалистов принять православие, столь частые до его правления, стали редки. Наконец, появилась стабильная правовая база, позволявшая заключать контракты с иностранцами, что способствовало их найму. Однако этот механизм не всегда давал ожидаемые результаты. Усилия царских агентов часто саботировались на местах, с иностранцами плохо обращались. Пример французов показателен: некоторых из них российские власти сами высылали во Францию по разным причинам, другие, недовольные своим положением, поддавались призывам французских дипломатов и возвращались во Францию.

Ключевые слова: история России XV—XVIII вв.; Петровская эпоха; иммиграция; иностранцы в России; вербовка иностранных специалистов.

Начало найма иностранных специалистов для Московии

О политике целенаправленного приглашения иностранных специалистов можно говорить, вероятно, только начиная с конца 1460-х гг. – периода окончания зависимости от монгольского ига и «собирания русских земель» под эгидой Москвы. Первая волна найма специалистов относится к 1469–1539 гг., то есть к эпохам Ивана III, Василия III и Елены Глинской (подробнее см.: [Gouzévitich, 2001; Gouzévitich, 2003; Гузевич]; о начале целенаправленного набора иностранных специалистов для России см.: [Amburger, S. 13–17]; см. также: [Флоря, с. 12–18]).

Набор чаще всего происходил в итальянских и германских государствах при посредничестве греков [Черникова, с. 273]. Завербованные итальянцы обычно были архитекторами и строителями, немцы – оружейниками и пушкотейными мастерами. Эта политика продолжилась и в XVI в. В годы малолетства Ивана IV вербовка специалистов в Европе практически прекратилась, однако с установлением личной власти Ивана снова возобновилась. Главным посредником был на этот раз немец из Гослара торговец Ганс Шлитте (Schlitte), который нанял для Москвы врачей, ремесленников, пушечных дел мастеров, военных и т. д.¹ Круг специалистов расширился по сравнению с XV – началом XVI в., когда для России набирали главным образом мастеров в таких областях, как военное дело, в частности, артиллерия, строительство, лекарское дело, чеканка монет. Благодаря иностранным пушкарям московская артиллерия становится ключевым элементом во многих победах русской армии [Черникова, с. 292]. Открытие англичанами в середине XVI в. северного пути в Россию привело к появлению в Московии английских купцов и к использованию этого нового канала для найма английских специалистов как традиционных профессий (военных, медиков – причем не только придворных врачей, но и аптекарей, и цирюльников), так и некоторых новых (например, рудознатцев). В 1569–1570 гг. обсуждалась возможность найма в Англии людей, способных строить корабли и управлять ими [Черникова, с. 304–305]. Распространение предметов западного обихода привело к желанию иметь мастеров по их производству в России. Главными сферами, в которых ощущалась потребность в западноевропейских специалистах, были армия, горнодобывающее дело, производство предметов роскоши и услуг для двора [Amburger, S. 25].

В смутное время поиск специалистов за границей снова почти полностью прекратился и возобновился уже после восшествия на русский престол первого из Романовых – Михаила Федоровича. Менялся их национальный состав: в Россию ехало меньше итальянцев, зато больше немцев, татар, литовцев, а также греков, особенно в среде

---

¹ О перипетиях набора специалистов Г. Шлитте см.: [Amburger, S. 18–19].

наемников. Самый большой приток иностранцев шел из Польши, но и выходцы из Западной Европы становятся все более частыми гостями в России [Черникова, с. 291]. На службе русской армии были лифляндцы, голландцы, шотландцы, несколько англичан и французов, как правило, это были профессиональные наемники, нередко ранее служившие в Швеции или Дании [Там же, с. 292]². В 1601 г. русские дипломаты вывозят мастеров из Англии [Amburger, S. 22–23]. Для вербовки специалистов для России – причем не только англичан – эта страна будет играть все возрастающую роль [Ibid., S. 25]. Расширялась и география присутствия иностранных мастеров в России: в 1620–1630-е гг. их можно было найти не только в Москве, Архангельске и Новгороде, но и в Ростове и Туле...

В последние годы царствования Алексея Михайловича (1645–1676) и в годы, непосредственно предшествовавшие единоличному правлению Петра I (с 1689 г.), даже на основании дел, отложившихся в фонде РГАДА «Выезды иностранцев в Россию», можно увидеть, насколько разнообразным в национальном и профессиональном отношении был набор иностранцев, попадавших на русскую службу из европейских стран [РГАДА. Ф. 150]. Помимо поляков, среди них были выходцы из германских государств (Гамбург, Бранденбург и т. д.), «цесарцы», англичане, шотландцы, голландцы, шведы. Это были военные, инженеры, доктора, золотых дел мастера, рудознатец, химик... Численно военные намного превосходили представителей остальных профессий.

В целом можно согласиться с исследователями в том, что приезд иностранцев в Россию не только полностью находился под контролем российских властей, но и в ряде случаев был ими инициирован [Опарина, с. 336–337]. В этом отношении мы не видим разницы между эпохой Петра I и предшествующими эпохами, главное различие состоит в размерах, которые приобрел при Петре запрос на иностранных специалистов. Существовали, однако, другие отличия в таких сферах, как религиозный прозелитизм и удержание иностранных специалистов, которые были яркими чертами допетровского периода найма специалистов за рубежами России.

Найм иностранцев и религиозный прозелитизм

В Москве желали иметь представителей профессий, для которых знания и техническая оснащенность играли большую роль. Таких специалистов можно было найти главным образом в неправославных странах. Однако действия властей отражают двойственность их отношения к иностранцам: в них нуждались, и в то же время их боялись по причинам конфессионального и культурного порядка.

---

² Подробнее об иностранных наемниках на русской службе см.: [Черникова, с. 295–296].

В 1627 г. ужесточаются правила найма иностранцами православной прислуги. В теории нанять себе православного слугу иноверец с этого времени не мог [Опарина, Орленко, с. 22–39], но на практике указ не соблюдался [Черникова, с. 270–271]. В 1652 г. служилые немцы получают участки земли за пределами Москвы, в специально восстановленной для этого Ново-Немецкой слободе (указ от 4 октября 7161 г. / 14 октября 1652 г. [Систематический свод законов, т. 6, с. 44]; указ об отводе земли под строение в Немецкой слободе от 4 октября 1652/7161 г. [ПСЗ, т. 1, № 85, с. 273]). До Петра I иностранцам не разрешено было покупать дома вне пределов Немецкой слободы [Систематический свод законов, т. 6, с. 44], в 1653 г. их обязали продавать православным свои вотчины, что побудило некоторых иноземцев перейти в православие [Черникова, с. 272–273]. Перешедшие в православие не могли более покинуть Россию³, но и не ставшие православными зачастую не могли покинуть Московию, если они интересовали правительство как специалисты. Патрик Гордон – один из наиболее известных примеров, но таких случаев было много [Черникова, с. 275–281]. Эта практика, несмотря на ее контрпродуктивность в долгосрочной перспективе, продолжалась еще и при Петре I⁴, хотя постепенно сходила на нет, а юридической основой приглашения в Россию уже с 1696 г. стал письменный контракт (договор).

Характерной особенностью допетровского периода было желание склонить иноземцев в православие. Так, барон Пьер де Ремон (de Remont) стал участником известного религиозного скандала. В 1628 г. он не только сам принял православие, но и против воли крестил свою жену, протестантку англичанку Анну Барнсли (Barnsley). По этому поводу в переписку вступили даже коронованные особы – король Карл I и царь Михаил Федорович [Опарина, гл. 1, 2]. Крещения будут продолжаться и далее, однако, как правило, ненасильственно. Шлейф негативных отзывов иностранцев о России, власть в которой считали тиранической, а общество – морально развращенным, заставлял российские власти искать формы реванша, одной из которых был переход в православие иностранцев, обладавших высоким социальным статусом. За несколько лет до вступления на престол Петра Алексеевича в 1670 г. были крещены в Москве два француза, очевидно, дворяне – братья Жан (доктор богословия) и Карл де Гроновы (de Gros?). Французы были обласканы царем [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1671. Д. 4]⁵. Но намеренное склонение эмигрантов в православную веру при Петре не было определяющим фактором в приглашении иностранных специалистов в Россию.

³ См. многочисленные примеры: [Опарина].

⁴ Так, несмотря на попытки уехать, вынужден был остаться на русской службе инженер Ламот де Шампи. См.: [РГАДА. Ф. 150. 1703. Д. 26. Л. 1–7]

⁵ См. о них также: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619. № 4. Л. 57об.–60, 134; 1651. № 12; 1652. № 7. Л. 51].

Конфессиональный фактор и географическая мобильность

Какую роль конфессиональный фактор сыграл в определении траекторий франкоязычных эмигрантов, прибывавших в Россию в Петровскую эпоху?

Гугенотов на несколько лет опередили швейцарцы, которые могли, как и гугеноты, ехать окольными путями, через третьи страны. Одним из первых в 1675 г. через Голландию приехал Франсуа Лефорт. Когда он начал входить в силу, он стал активно приглашать из Швейцарии на русскую службу родственников и друзей. Клан семей Лефорт – Лект – Сенебье – Троншин – Дюбрёй – Тюдер – Телюссон был чрезвычайно обширен. Часть информации, циркулировавшей по внутренней сети этих кланов, становилась достоянием газет. В результате в голландские и швейцарские газеты стало попадать значительно больше сведений о Московии, чем раньше⁶. Таким образом, уже само появление швейцарцев в Московии усилило присутствие этой страны в европейском информационном поле.

Первая волна эмиграции французских протестантов связана с отменой в 1685 г. эдиктом Фонтенбло Нантского эдикта 1598 г., которым Генрих IV гарантировал французским протестантам свободу совести и частичную свободу их культа. Отныне во Франции любое публичное отправление веры было кальвинистам запрещено. По разным оценкам, от 100 до 200 тыс. гугенотов покинули королевство и были приняты в Англии, Нидерландах, Швеции, Швейцарии, немецких государствах⁷.

Обилие мигрантов заставило власти Бранденбурга искать новые места, которые могли бы принять беженцев. С подачи главы бранденбургского посольства в России Иоганна Рейера по указанию курфюрста Фридриха III вопрос о приеме гугенотов был поставлен перед российскими властями [Туманский, с. 186–190; Форстен, с. 62–66]. В 1688–1689 гг. в Москве состоялись переговоры, в результате которых правительство князя Василия Голицына дало в 1689 г. грамоту о предоставлении в России убежища гугенотам [ПСЗРИ, т. 3, с. 8–9]. Давая пристанище беженцам из Франции, Россия надеялась, и не напрасно, на международный резонанс [Kämmerer, S. 27], но она также рассчитывала, что благодаря эмигрантам в России укоренятся еще не известные ремесла. Хотя в царствование Петра I в Россию приехало значительное количество гугенотов и их потомков (если сравнивать его не в абсолютных цифрах с общим числом покинувших Францию гугенотов, а относительно католического контингента), они, очевидно, приезжали индивидуально, а не группами. В последнее десятилетие XVII и в первой трети XVIII в. в России появилось несколько

⁶ См., например: [Гузевич, 2013, с. 63–65; Гузевич, 2017].

⁷ Подробнее о роли французских протестантов в Европе в это время см.: [Jersch-Wenzel; Hornung].

гугенотов, основавших известные семьи: Бриньи, де Кулоны, Клапье де Колонги, Шапюзо, Дибисоны. Почти все прибыли в Россию после скитаний по Европе – через Швецию, Голландию, немецкие земли...

Конфессиональный фактор сыграл свою роль и при наборе специалистов во время Великого посольства. В целом их было нанято очень значительное количество. Поименно на сегодня известно около 950 человек. Французов среди них было очень мало – Великое посольство не посещало Францию. Католическое вероисповедание также могло стать препятствием: ответственным за вербовку был Франсуа Лефорт – убежденный кальвинист. Сохранилось свидетельство секретаря австрийского посольства Корба (1699):

Увольняют подневно нанятых. Сорок фельдшеров отставлены от службы, а из девятисот матросов выключены те, которые вследствие их католической веры не нравились адмиралу [Лефорту] [Корб, с.130].

В результате найма, осуществленного в ходе Великого посольства, католическая община Немецкой слободы увеличилась, по свидетельству священников-иезуитов, на 120 человек, другими словами, не более чем на 8 % [Письма и донесения иезуитов о России, с. 7]. В основном это были итальянцы, австрийцы, западные и юго-западные славяне.

Целенаправленный набор специалистов при Петре I

Хотя первые целенаправленные наборы специалистов для работы в России произошли задолго до Петра I, именно в его царствование эта деятельность приобрела поистине огромные размеры, став одной из важнейших составляющих в механизме реформ. Самой широко-масштабной акцией по набору специалистов для России стало упомянутое Великое посольство 1697–1698 гг. После него наборы проходили регулярно благодаря петровским агентам.

При Петре появляется ряд законодательных актов, призванных поощрить приезд в Россию иностранных специалистов. Наиболее важный из них – это манифест от 27 апреля 1702 г. о вызове иностранцев в Россию. Манифестом объявлялось об облегчении иностранцам приезда в Россию; о разрешении им свободно отправлять свой культ, если они христиане; об учреждении органа для суда над иностранцами согласно их обычаям; и наконец, о разрешении оставлять царскую службу и возвращаться на родину [ПСЗРИ, т. 4, с. 192–195]. В 1723 г. появился устав Мануфактур-коллегии, в котором был объявлен ряд мер, назначение которых заключалось в том, чтобы привлечь иностранных «художников, всяких художеств мастеровых людей» в Россию. Им обещали оплатить дорогу, отпускать в любое время из империи со всем их имуществом и капиталом, освободить на несколько лет от налога на продукцию их мануфактур в России, помогать организуемому производству ресурсами и деньгами, предоставить иностранным фабрикантам на первое время бесплатные квартиры

и освободить их от «всяких поборов, служб, постоев» (устав Мануфактур-коллегии, от 3 декабря 1723 г., § 23 [Систематический свод законов, т. 6, с. 5]). От военной службы иностранцев освободили еще указом от 7 мая 1722 г. [Там же, с. 57].

Поощрить иностранцев, заинтересовать их в работе в России было важно, но не менее важно было создать для них условия, при которых их деятельность могла приносить реальные плоды. Незнание русского языка иностранными специалистами было препятствием в их работе в России: многим вменялось в обязанность обучение русских учеников, солдаты и нижние чины в армии должны были понимать офицеров-иностранцев. На каждого иностранного специалиста, конечно, было невозможно иметь переводчика, хотя ко многим переводчиков приставляли. Поэтому понятно требование, которое находим в плакатах о призыве иностранцев на русскую службу 1702 г., склонять к службе офицеров, которые «польского, словенского или иного какого с московским согласного языка хотя отчасти разумеют» [РГВИА. Ф. 495. Д. 106. Л. 10, 11] (цит. по: [Бойко, с. 166–178]).

Как и в допетровское время, иностранцы служили посредниками при найме на службу в России. Во время Великого посольства важную роль в найме морских офицеров и матросов для флота сыграл Корнелий Крюйс. Как отмечал посол Ф. А. Головин, при заключении контрактов «зело помочествовал мне капитан Креус. И истинно, государь, тебе доношу, если бы не его в том вспоможение, с превеликим бы трудом нам сие исправить во многом времени невозможно» [Там же]. Сразу после смерти Фридриха I в феврале 1713 г. Петр отправляет в Берлин Якоба Брюса для найма «мастеровых людей», среди которых был и немецкий архитектор Андреас Шлютер [Medvedkova, p. 145]. Начиная с 1717 г. агент фон Денбург и резидент Беттигер нанимают в Гамбурге 379 морских офицеров и матросов, причем разных национальностей: немцев (Саксония, Гамбург, Бремен, Люнебург), голландцев (Амстердам, Роттердам, но также Гауда, Гренинген, Лейден), англичан (в основном из Лондона), но также норвежцев (Берген), итальянцев (Ливорно, Неаполь) и французов (Марсель, Тулон, Бордо, Нант, Брест) [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1717. Д. 10]. В 1720 г. капитану Питеру Бредалю приказано было немедленно ехать в Копенгаген (откуда он был родом) «для принятия в службу царского величества морских обер и унтер офицеров» – капитанов, унтер-офицеров и штурманов, которые «известные и которые служили на кораблях военных» и «знали б воинскую команду». С ними должны были заключаться контракты на пять лет [РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. 1720. Д. 41. Л. 174—174 об.]. Бредаль занимался подобной работой по крайней мере с 1717 г. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1717. Д. 10. Л. 112].

Вербовка иностранцев во многом определялась местными условиями, в частности политической ситуацией. Возможности массового найма военных и моряков в конце XVII в. определились Рисвикским (1698) и Карловицким миром (1699) и послевоенным сокращением

армий. В эти годы видим примеры военных, которые сами просились и даже приезжали в Россию, не получив предварительного согласия на принятие их на службу, как случилось с французами Бонне, Маршевалем и Дампьером. Вербовка французских мастеров в 1715–1717 гг. была облегчена новыми условиями во Франции: после смерти французского короля число заказов на строительные работы там резко уменьшилось. В ходе Великого посольства Петр хорошо усвоил эти уроки и был способен прогнозировать подобные ситуации. В ноябре 1715 г. он писал русскому агенту Конону Зотову во Францию:

...понеже король французский умер, а наследник зело молод, то чаю, многие мастеровые люди будут искать фортуны в иных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить (цит. по: [Россия – Франция, с. 93]).

Конечно, русские агенты не стеснялись переманивать на русскую службу военных других армий, как показывает обращение к саксонцам в шведской армии, сделанное в 1708 г. Саксонцам обещали не только прием со «всякой честью» и во «всяком удовольстве», но и повышение чином [Бойко]. Так же поступали и вербовщики других государств: в 1723 г. в Риге был задержан прусский агент, вербовавший офицеров и солдат, находившихся на службе в России [Бойко]. Шведская армия стала едва ли не главным источником пополнения русской армии офицерами: в 1719–1721 гг. из примерно 70 завербованных на русскую службу офицеров-иностранцев половина служили до этого в шведской армии [Бойко].

На службу в России нанимали специалистов не только в таких решающих областях, как армия, флот или кораблестроение. В 1701 г. в Гданьск и «другие города» был послан комедиант Иван Сплавский для набора актеров. Он не ограничился данным ему заданием и, повстречав в августе 1701 г. в Гданьске француза Жана Дюматре, уговорил того поступить на русскую службу, хотя тот был инженером и к театру никакого отношения не имел. Его посредничество вызвало некоторое удивление: чиновникам было известно, что Сплавский был послан для призыва комедиантов, «а чтоб ему призывать инженеров и иные какие чинов иноземцов, того в том его великого г[осу]д[а]ря указе и проезжей грамоте не написано» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1701. Д. 14. Л. 2]. Этот забавный случай показывает, что вербовка иностранцев превратилась в своего рода национальный спорт в России того времени.

Франкоязычные специалисты также попадали в сети русских вербовщиков даже до того, как вербовку стали проводить непосредственно во Франции. Несколько французов было нанято во время Великого посольства, почти все они были врачами протестантского вероисповедания, которые бежали из Франции в Голландию, так как лекарям-протестантам еще до отмены Нантского эдикта во Франции было запрещено работать по профессии [Robert, p. 181–187]. В 1703 г.

посол России в Копенгагене А. Измайлов нанимает Доменико Трезини и целую группу других мастеров разных профессий и национальностей: итальянских каменщиков и мастеров гипсового дела Фонтана, Рюша, Ферара, Ганація, Желпия, швейцарского «живописей и резного дела» мастера Циглера и нескольких французов – шпажно-го мастера Люботея, «флерного, кружевного и всяких шляпных дел» мастера Паланде, «кудреного дела мастера» Пижа и лекаря Паисия, или Позье [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703. Д. 12].

Самая крупная акция по найму специалистов непосредственно во Франции произошла незадолго до визита Петра I в эту страну, который состоялся только в 1717 г. Предшествующие попытки набрать специалистов во Франции, как правило, заканчивались неудачей. Так, в 1712 г. русский резидент во Франции Г. И. Волков безуспешно пытался нанять архитектора. Подписавший с ним договор художник короля Франсуа Мэро, выдавший себя за архитектора, в последний момент отказался ехать в Россию и даже подал на Волкова в суд, требуя от него оплатить чертежи, сделанные по просьбе русского агента. Попытки найти других кандидатов на место царского архитектора также не принесли успеха. Волков предложил место Вильневу (Villeneuve) за 5 тыс. гульденов, но тот отказался, найдя работу в Париже, и Пере (Peret), который запросил слишком высокую сумму (12 тыс. гульденов). Отчаявшись, Волков попросил посла России при королевском дворе князя Куракина обратиться «наверх» с тем, чтобы сам король послал в Россию архитектора. Однако министр иностранных дел Франции де Торси объяснил, что во Франции архитекторы были людьми свободными, поэтому послать кого-то в Россию против его воли король не мог (см. об этом: [Medvedkova, p. 152-153]).

Однако накануне визита Петра I во Францию удалось то, что не удавалось раньше. Полтавская битва 1709 г. существенно изменила взгляд Западной Европы на Россию, которую традиционно представляли как полудикую державу на краю цивилизованного мира. Распространились новости о строительстве большого города в устье Невы, ставшего в 1712 г. столицей преобразующейся Московии. Огромные строительные работы, начатые русскими в этом регионе, резко увеличили потребности в мастерах самой разной специализации.

Как нередко бывает, после кончины монарха большие строительные работы, начатые в предыдущее царствование, прекращались либо замедлялись. Так случилось и во Франции после смерти Людовика XIV в 1715 г.: блестящее царствование короля опустошило государственную казну. Эти изменения совпали по времени и с новой волной вербовки специалистов для России. Их набор всегда был несколько хаотичен и нередко был связан с поездками Петра I по Европе – именно поэтому первые крупные кампании такого рода состоялись в любимой им Голландии. Эта крупная морская держава, в которой собирались эмигранты со всей Европы, была идеальным местом для вербовки специалистов, прежде всего связанных с морским делом. Однако строительство

дворцово-парковых ансамблей требовало найма мастеров, которых не всегда можно было найти в северных государствах. Франция же была страной, в которой искусства, связанные со строительством и оформлением крупных королевских резиденций, получили большое развитие в эпоху Людовика XIV, строителя Версаля.

Главную роль в наборе сыграл племянник Франсуа Лефорта Иван, или Жан Лефорт. Он много сделал для развития торговых отношений между Францией и Россией. В 1713–1714 гг., не имея официального статуса, он был российским агентом во Франции, затем получил титул коммерц-советника и в начале 1716 г. был аккредитован во Франции в качестве представителя России. Маршал д'Юкселль сообщал главному интенданту дворцовых построек Роберу де Котту 7 апреля 1716 г. (н. ст.), что Лефорт получил указание набрать «28 рабочих, как мастеров, так и их помощников, различных специальностей для работы в Россию по выполнению мероприятий Петра I и для приобщения подданных этого монарха к искусству» (цит. по: [Россия – Франция, с. 26]). В частности, он занимался этим весной 1716 г. в Париже, в том числе в марте-апреле завербовал шпалерных мастеров (упоминаются Беагли, Бурдейн, Гриньон, Вавок, Гошер, Гриньон, Камусы и др.) и закупил некоторое количество шерсти и шелка для начала работы. Тогда же барон Вигуре, французский дворянин на службе русского царя, направился во Францию, чтобы набрать на царскую службу текстильных мастеров [Veudin, p. 8]. 19 ноября 1715 г. Лефорт подписал договор с итальянским скульптором Бартоломео Растрелли. В 1715 – начале 1716 г. он же заключил контракт с архитектором Жаном-Батистом Александром Леблоном и еще 45 мастерами, согласившимися поступить на русскую службу. При этом на разных этапах составлялись списки этих мастеров, что позволяет нам сегодня иметь полное представление о составе этой группы⁸.

Этот эпизод иммиграции французов в Россию довольно хорошо известен благодаря сведениям, которые сообщал в своей корреспонденции Анри Лави⁹. Осенью 1716 г. «двести» семей французских ремесленников, нанятых Лефортом, прибыли в новую столицу. Французский консул в Данциге наблюдал прохождение этой группы, в которой, по его словам, было примерно 90 рабочих, из них около 30 – католики, завербованные в Лионе на мануфактурах, остальные же были франкоязычными протестантами из Женевы [ANF. AE VI 983. F. 1; Mézin, p. 36]. Их поселили в квартале за дворцом князя Меншикова на Васильевском острове, на улице, названной Французской¹⁰.

⁸ Списки этой группы хранятся в Национальной библиотеке Франции [BNF. Ms fr 7801. F. 395–400, Avr. 1716] и в Национальном архиве Франции [ANF. O I 1087. F. 150–152 \$ K 1352. N° 69, 70]. Список см.: [Mézin, p. 35].

⁹ Эти письма частично опубликованы Русским историческим обществом. См.: [Сб. ИРИО, т. 34, 40, 49].

¹⁰ Кроме того, в 1717 г. в Россию прибыли 17 французов самых разных профессий, из них один преподаватель философии, бежавший из Франции 30 лет назад, то есть скорее всего гугенот [Сб. ИРИО, т. 34, с. 226].

Как завербовать и как удержать специалиста?

До 1696 г. иностранцы приезжали в Россию по трем-четырем старым «накатанным» схемам: по дипломатическим каналам, по собственной инициативе (почти все торговцы, некоторые предприниматели и ремесленники, отдельные служилые люди), по приглашительным письмам двора (лица уровня Лефорта могли проявлять в этом вопросе и самостоятельность) и в рамках кампаний найма, которые периодически проводило правительство для решения военных или технических задач¹¹.

У этих каналов перемещения специалистов была одна характерная особенность – отсутствие полноправных договоров найма: люди ехали, уповая исключительно на милость государеву. Отчасти исключение составляло приглашение на службу. Здесь, как, например, при найме голландцев для строительства дединовской флотилии или лекарей в 1696 г. (Жан Бернар, Варфоломей Брюн), контракты были вполне полновесными [Выписка из подлинного дела]. Другой вопрос – обязательность их выполнения московской стороной. К концу XVII в. Московия в Европе получила славу страны, в которую можно было приехать на службу, но которую трудно было покинуть и в которой не соблюдались условия контрактов. При ограниченной необходимости в специалистах эта схема позволяла удерживать тех, кто забрел в Россию случайно или готов был рискнуть, но делала невозможной сколько-нибудь регулярную и расширенную циркуляцию специалистов, не желавших ехать при таких условиях.

Возможно, впервые с массовым нежеланием ехать в Россию столкнулся дьяк Нефимонов в Вене в 1696 г. Он должен был пригласить венецианских галерных мастеров, а они требовали заключения договоров, авансов на дорогу, гарантий выплат жалованья в деньгах, а не в продуктах и товарах, свободного возвращения после окончания контракта. Их требования пришлось в целом выполнить. С этого момента Петру I стало ясно, что без системы контрактов о массовом найме речи быть не может. Эта система была осуществлена уже в ходе Великого посольства (1697–1698), хотя в эти же годы границу продолжали пересекать люди, ехавшие по «приглашениям» (в частности, Виниуса, Лефорта, Гордона).

Важно было не просто завербовать, но и удержать иностранного специалиста, и с этим не все было в порядке. Некоторые из иностранцев, побывавших в России, распространяли сведения о том, насколько сложно было иностранцу сделать в России хорошую карьеру и как трудно было покинуть эту страну. Об этом писал в своей книге

¹¹ Самой массовой была кампания перед Смоленской войной 1632–1634 гг.; из более поздних можно назвать набор в 1667–1668 гг. К. Буковеном голландских корабельщиков для создания дединовской флотилии или В. Гордсеном в 1696 г. лекарей для армии.

бывший воспитатель царевича Алексея Мартин Нейгебауэр: инженер Ламот, полковник Жиронж и генерал Корренберг были уволены и вынуждены покинуть Россию, однако их задержали в Архангельске, поскольку, как писал М. Нейгебауэр, «из России нелегко отпускают офицеров из опасения, чтоб они потом не рассказывали о происходящем там» [Neugebauer, 1704a; Neugebauer, 1704b] (см. также: [Liechtenhan, p. 656]; цит. по: [Пекарский, с. 68]). Наиболее болезненной была проблема невыплаченного жалования. Мастерам, вызванным в 1716–1717 гг., кроме тех, кто напрямую зависели от Леблона, по приезду в Россию нередко жалование не выплачивали (см., например: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3 (1716). Л. 22 об., 23, 23 об.]). Многие из них возвращались обратно во Францию.

Назначенный в 1714 г. морским агентом в Россию Анри Лави, ставший в 1717 г. консулом Франции в Петербурге, противодействовал утечке стратегически важных для Франции специалистов, ведь в России хотели создать фабрики по производству шпалер, шелка, зеркал, чем как раз и славилась Франция. В обязанности консула входили заботы о репатриации соотечественников, особенно тех, чье финансовое положение было критическим. В 1716 г., встревоженные вербовкой французов для работы в России, которая представлялась им ширококомандной кампанией, французские власти засыпали Лави посланиями.

Утверждают, что царь нанял во Франции большое число рабочих и фабрикантов. Напишите мне, что Вам об этом известно, указав число, профессии и имена тех, что находятся в Петербурге, и тех, кто прибудет туда, –

приказывал ему маршал д'Эстре, который отвечал за морской флот в Полисинодии¹². И несколько недель спустя:

Мы знаем, что царь вывозит из Франции большое число рабочих, и что многим было дано разрешение на отъезд. Вы доставите мне удовольствие, послав мне список тех, кто уже приехал в Петербург, и тех, кто прибудет туда, как и рабочих, которые прибудут из Англии и других стран; в списке вы должны указать профессии всех этих рабочих [ANF. AE BI 982. F. 125. Maréchal d'Estrées. Paris. 21.09.1716].

Из прибывших в 1716 г., набранных Жаном Лефорт, 25 были уволены уже в конце 1717 г. По словам Лави, русское дворянство было недовольно большим жалованием, которое им было назначено. Однако скорее всего такие увольнения объясняются тем, что некоторые иностранцы не удовлетворяли предъявляемым им требованиям, а их компетенцию далеко не всегда можно было проверить во время вербовки, да и вербовщики были заинтересованы в найме большого числа специалистов. В России приходилось устраивать «разборы»,

---

¹² То есть в коллегиальном совете регенства [ANF. AE BI 982. F. 101. Maréchal d'Estrées. Paris. 13.07.1716].

в результате которых многих отправляли восвояси. Так происходило не только с ремесленниками разных специальностей, но и с представителями других профессий. В частности, известно об увольнении после Прутского похода ряда иностранных офицеров, включая тех, кто находились в высших чинах.

Некоторые французы были доведены до полунищенского состояния. А. Лави пользовался этим, чтобы репатриировать их. Интересно его письмо 1720 г., повествующее о судьбе нескольких десятков французских мастеров. Он сообщает, что посадил на корабль для отправки во Францию 30 французов. Были и другие, кто хотели вернуться на родину, но им не отдавали паспорта. Из письма также понятно, что некоторые рабочие перебрались в Москву, возможно, в поисках работы. Им долго не платили, они оказались в долговых обязательствах, некоторые были арестованы. Консул вступился за них, что привело к их освобождению. Хорошее жалованье получали те, кто находился на царской службе. Но некоторых из них уволили раньше срока, хотя и заплатив исправно. Его царское величество, думал Лави, скорее всего, был не в курсе всех этих махинаций [ANF. AE B-1-983. Письмо от 1 января 1720 г.]. В апреле и мае 1720 г. Лави созвал общее собрание французской «колонии» Петербурга, на тот момент она составляла всего около 30 человек [Mézin, p. 38]. Французские дипломаты и далее продолжали соревноваться с агентами царя: между началом 1724 и мартом 1725 г. поверенный в делах Франции в России Кампредон отослал обратно во Францию более 40 французов – поваров, кондитеров, печатников, резчиков, переплетчиков, жарильщиков и т. д.¹³ Немногие оставшиеся, такие как скульптор Пино, художник Каравак или мастер по производству шелка Сибер, были французскими дипломатами зачислены в «плохие подданные» (*mauvais sujets*).

Царь, очевидно, был в курсе существовавших проблем. Желание что-то им противопоставить вызвало к жизни указ от 6 ноября 1723 г., предусматривавший расследование в случае отъезда иностранных ремесленников, с тем, чтобы удостовериться, что причиной не было ущемление их прав российскими чиновниками. В указе говорилось:

А буде который сам похочет, такого прежде отпуску объявить в Коллегии, где его Коллегии допросить: волею ль он отъезжает и нет ли, или не было ль ему какой тесноты, и доволен ли он отъезжает? и буде скажет доволен, и оного отпустить. Буде же скажет, что какую противность или недовольство, или хотя не скажет, но вид даст недовольства, о том коллегии накрепко розыскать, и жестоко наказать, и тчиться его где употребить, а не отпускать. Буде же весьма не захочет жить, то отпустить с совершенным удовольствием, дабы приехав жалобы не имел, что их худо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был [Систематический свод законов, т. 6, с. 4].

¹³ Их имена см.: [Mézin, p. 38].

* * *

Хотя и в допетровское время целевой набор специалистов в Европе практиковался Россией, по частотности и масштабности он не может сравниться с тем, что проводился при Петре. Изменилась атмосфера, в которой происходила вербовка: уже не наблюдалось явного религиозного антагонизма и поддержанных высшими властями попыток склонить иноверцев в православие. У иностранных специалистов, как показывает пример франкоязычных, разделенных на две конфессии, теперь была возможность совершать свои богослужения. Конечно, она существовала и до Петра, однако периодически иноверцы сталкивались с открытым противодействием как православной церкви, так и светских властей Московии, как в 1650-х гг., когда иноверческие церкви были вынесены за пределы Москвы. Была создана, хотя и не сразу, договорная основа для приезда и работы иностранцев в России, что сделало возможным их массовый набор. Возможности трудоустройства, получения хорошего заработка, наконец, карьерного роста, предоставленные многим западным специалистам, способствовали развитию их найма на невиданном до того уровне.

Если же говорить конкретно о франкоязычных специалистах, то их вербовка шла несколькими путями. Набор швейцарцев фактически происходил по цепочке – первые оказавшиеся в России эмигранты из Швейцарии, прежде всего сам Франсуа Лефорт, вызывали своих соотечественников, зачастую родственников. Ряд специалистов был завербован в Голландии и в других странах Северной Европы, как во время Великого посольства, так и в последующие годы. Прежде всего это были протестанты, покинувшие Францию после отмены Нантского эдикта. Однако за пределами Франции в то время оказалось также немало католиков в силу интенсивной географической мобильности французов во «французской Европе». Так, ряд французских военных и инженеров перешли на русскую службу из Польши, где многие французы служили польскому королю. Целенаправленный набор французских специалистов стал возможен только в преддверии визита Петра I во Францию в 1717 г. В это время в России оказался самый большой их контингент.

Усилия российских властей, тративших немало денег на вербовку иностранцев, не всегда приносили желаемый результат, в некоторых случаях они сталкивались с рядом проблем на местах. Этой ситуацией не преминули воспользоваться французские агенты в России, сводя на нет многолетние труды по привлечению иностранных специалистов в Россию. Несмотря на это, французы – наряду со многими другими иностранцами – внесли уже в это время значительный вклад в преобразование русского общества в самых разных областях, начиная с военного дела, инженерного искусства и кончая разными строительными профессиями. В это время в России еще ред-

ко можно было встретить представителей профессий, связанных с предоставлением услуг аристократии, таких как парикмахер, повар, учитель, портной, которые станут массовым явлением в более позднюю эпоху, начиная с середины XVIII в., когда вкус ко всему французскому распространится в среде российского дворянства вместе с французским языком¹⁴.

Список литературы

Бойко С. М. Правовые основы привлечения иностранных специалистов на российскую службу (XVIII век) // Право и образование. 2001. № 3. С. 166–178.

Выписка из подлинного дела о строении в селе Дединове корабля Орла и других мореходных судов, 19.06.1667–30.03.1667 // Дополнения к Актам историческим : в 12 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 5. С. 211–216.

Гузевич Д. Ю. Захоронения Лефорты и Гордона: могилы, кладбища, церкви : Мифы и реалии. СПб. : Европ. дом, 2013. 366 с.

Гузевич Д. Ю. Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры. М. : АИРО-XX, 2000. 78 с.

Гузевич Д. Ю. Снова о захоронении Лефорты и Гордона, или Статья в стиле контррецензии // Петровское время в лицах – 2017 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 93–103. (Сер. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 90).

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваррента, посла императора Леопольда I, к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21–258.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 596 с.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб. : Сенат. тип., 1904. III + [1] + 382 + [2] + 11 с.

ПСЗ-1 : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1830.

РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. 1720. Д. 41.

РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619. Д. 4; 1651. Д. 12; 1652. Д. 7; 1671. Д. 4; 1701. Д. 14; 1703. Д. 12; 1703. Д. 26; 1716. Д. 3; 1717. Д. 10.

РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 106.

Ржеуцкий В., Гузевич Д. Иностранные специалисты в Петровской России: выходы из Франции и франкоязычной Швейцарии (готовится к печати).

Россия – Франция. Век Просвещения : Русско-французские культурные связи в 18 столетии : каталог выставки. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1987. 304 с.

Сб. ИРИО. Т. 34. Донесения французских посланников и поверенных в делах [...] / под наблюдением А. А. Половцова, А. Ф. Бычкова и Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1881. XLVII + 560 + [3] с. Т. 40. Донесения французского консула в Петербурге Лави [...] / под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. XIII + LXXXII + 498 с. Т. 49. Донесения французского консула в Петербурге Лави [...] / под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. LXIX + 427 с.

---

¹⁴ О распространении французского языка в России см.: [French and Russian in Imperial Russia]. См. также: [Offord, Rjéoutski, Argent].

Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого : в 10 ч. СПб. : Шнор, 1787. Ч. 2. С. 186–190.

Систематический свод существующих законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. Комиссии составления законов, 1818. Т. 6. 379 с. (Ч. 1. Т. 5, доп.).

Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. М. : Искусство, 1980. С. 12–18.

Форстен Г. Бранденбург и Москва 1688–1700 гг. // ЖМНП. Ч. 362. 1905. С. 61–87.

Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV – XVII вв. : дис. ... докт. ист. наук : в 2 т. М. : [Б. и.], 2014. Т. 1. 398 с.

Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert. Wiesbaden : Otto Harrasowitz, 1968. 200 S.

ANF. AE B-1-983; AE BI 982; AE BI 982; AE BI 983; O I 1087; K 1352. No. 69, 70. BNF. Ms fr 7801.

French and Russian in Imperial Russia : in 2 Vols. / Eds. D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh : EUP, 2015. 266 + 288 p.

Gouzevitch I. De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens // SABIX. 2003. No. 33. Palaiseau : Ed. Bulletin de la SABIX, 2003. 153 + [3] p.

Gouzevitch I. Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe. Fin du XVe – début du XIXe siècles : thèse de doct. en hist. des techn. Université de Paris VIII : 2 t. Paris : [S. n.], 2001. 932 p.

Hornung E. Emigration and the Diffusion of Technology: The Huguenot Diaspora in Prussia // IFO Working Paper No. 114. Nov. 2011. 46 p. URL: www.cesifo-group.de/DocDL/IfoWorkingPaper-114.pdf (mode of access: 03.11.2013).

Jersch-Wenzel S. Juden und «Franzosen» in der Wirtschaft des Raumes Berlin/Brandenburg zur Zeit des Merkantilismus. Berlin : Colloquium Verlag, 1978. 290 S.

Kämmerer J. Russland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789). Wiesbaden : Harrasowitz, 1978. (Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa 13). 181 S.

Liechtenhan F.-D. Pierre Le Grand : Le premier empereur de toutes les Russies. Paris : Éd. Tallandier, 2015. 688 p.

Medvedkova O. Jean-Baptiste Le Blond. Paris : Alain Baudry et Cie, 2007. 359 p.

Mézin A. Les consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792). Paris : Ministère des Affaires étrangères ; Direction des Archives et de la documentation, 1995. 974 p.

Mézin A. Présence française en Russie au XVIIIe siècle, d'après les papiers du consulat de France à Saint-Petersbourg: Diplôme présenté par Anne Mezin, sous la dir. de Monsieur Jean Chagniot / École Pratique des Hautes Études, 4e section. Paris : [S. n.], 1999. 736 p.

Neugebauer M. Schreiben Eines Vornehmen Deutschen Officirers, An eines Geheimen Raht Eines Hohen Potentaten, Wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken. S. 1. : [S. n.], 1704. 8 p.

Neugebauer M. Vertrautes Schreiben eines vornehmen Teutschen Officiers an eines gewissen hohen Patentates Geheimen Rath, von den jetzigen Coniuncturen in Moscau. S. 1. : [S. n.], 1705. 44 p.

Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia : A Social, Cultural, Political and Literary History. Amsterdam : AUP. (В печати).

Robert G. La Révocation de l'édit de Nantes et les professions de santé // Histoire des Sciences médicales. T. 17. № 2. 1983. P. 181–187.

Veublin V. E. Les Lyonnais et la Russie au siècle dernier. Lyon : Impr. Mougin-Rusand, 1896. 21 p.

References

Amburger, E. (1968). *Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert*. Wiesbaden, Otto Harrasowitz. 200 S.

ANF. AE B-1-983; AE BI 982; AE BI 982; AE BI 983; O I 1087; K 1352. No. 69, 70.

BNF. Ms fr 7801.

Boiko, S. M. (2001). Pravovye osnovy privlecheniia inostrannykh spetsialistov na rossiiskuiu sluzhbu (XVIII vek) [Legal Basis for Attracting Foreign Specialists to the Russian Service (18th Century)]. In *Pravo i obrazovanie*. No. 3, pp. 166–178.

Chernikova, T. V. (2014). *Protsess evropeizatsii v Rossii vo vtoroi polovine XV – XVII vv.* [The Process of Europeanisation in Russia between the Second Half of the 15th and 17th Centuries]. Dis. ... dokt. ist. nauk. v 2 t. Vol. 1. Moscow, S. n. 398 p.

Florya, B. N. (1980). Russkie posol'stva v Italiyu i nachalo stroitel'stva Moskovskogo Kremlya [Russian Embassies in Italy and the Beginning of the Construction of the Moscow Kremlin]. In *Iskusstvo Moskvy perioda formirovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva*, Moscow, Iskusstvo, pp. 12–18.

Forsten, G. (1905). Brandenburg i Moskva 1688–1700 gg. [Brandenburg and Moscow in 1688–1700]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 362, pp. 61–87.

Gouzévitch, I. (2001). *Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe. Fin du XIe – début du XIXe siècles*: Thèse de doct. en hist. des techn. Université de Paris VIII. 2 t. Parism S. n. 932 p.

Gouzévitch, I. (2003). De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens. In *SABIX*. 2003. No. 33. Palaiseau, Ed. Bulletin de la SABIX. 153 + [3] p.

Guzevich, D. Yu. (2000). *Kentavr ili k voprosu o binarnosti russkoi kultury* [Centaur, or the Question of the Binary Nature of Russian Culture]. Moscow, AIRO-XX. 78 p.

Guzevich, D. Yu. (2013). *Zakhoroneniia Leforta i Gordona: mogily, kladbishcha, tserkvi. Mify i realii* [Le Fort's and Gordon's Graves: Graves, Cemeteries, Churches. Myths and Realities]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 366 p.

Guzevich, D. Yu. (2017). Snova o zakhoroneni Leforta i Gordona, ili Stat'a v stile kontretsenzii [Once again on the Graves of Le Fort and Gordon, or an Article in the Form of a Counter-review]. In *Petrovskoe vremia v litsakh – 2017. Materialy nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 93–103. (Seriya Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 90).

Hornung, E. (2011). Emigration and the Diffusion of Technology: The Huguenot Diaspora in Prussia. In *IFO Working Paper*. No. 114. Nov. 2011. 46 p. URL: www.cesifo-group.de/DocDL/IfoWorkingPaper-114.pdf (mode of access: 03.11.2013).

Jersch-Wenzel, S. (1978). *Juden und „Franzosen“ in der Wirtschaft des Raumes Berlin/Brandenburg zur Zeit des Merkantilismus*. Berlin, Colloquium Verlag. 290 S.

Kämmerer, J. (1978). *Russland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789)*. Wiesbaden, Harrassowitz. 181 S.

Korb, I. G. (1997). Dnevnik puteshestviia v Moskovskoe gosudarstvo Ignatii Khristofora Gvarienta, posla imperatora Leopolda I k tsariu i velikomu kniazii Petru Alekseevichu v 1698 g., vedennyi sekretarem posolstva Iogannom Georgom Korbom [The Travel Diary to the Moscow State of Ignatius Christopher Guarient, Ambassador of Emperor Leopold I, to Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, Kept by the Secretary of the Embassy, Johann Georg Korb]. In *Rozhdenie Imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 21–258.

Liechtenhan, F.-D. (2015). *Pierre Le Grand: Le premier empereur de toutes les Russies*. Paris, Éd. Tallandier. 688 p.

Medvedkova, O. (2007). *Jean-Baptiste Le Blond*. Paris, Alain Baudry et Cie. 359 p.

Mézin, A. (1995). *Les consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792)*. Paris, Ministère des Affaires étrangères, Direction des Archives et de la documentation. 974 p.

Mézin, A. (1999). *Présence française en Russie au XVIIIe siècle, d'après les papiers du consulat de France à Saint-Petersbourg*: Diplôme présenté par Anne Mezin, sous la dir. de Monsieur Jean Chagniot / École Pratique des Hautes Études, 4e section, Paris, S. n. 736 p.

Neugebauer, M. (1704). *Schreiben Eines Vornehmen Deutschen Officiers, An eines Geheimen Raht Eines Hohen Potentaten, Wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscoviter in ihre Dienste locken*. S. l., S. n. 1705. 8 p.

Neugebauer, M. (1705). *Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutschen Officiers von den jetzigen Conjuncturen in Moscow*. S. l., S. n. 44 p.

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (in print). *The French Language in Russia: A Social, Cultural, Political and Literary History*. Amsterdam, AUP.

Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G. (Eds.). (2015). *French and Russian in Imperial Russia*. 2 Vols. Edinburgh, EUP. 266 + 288 p.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtzy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia between the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya. 384 p.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv “nekreshchen-nykh inozemtsev” [Decrees of 1627 and 1652 against ‘Unbaptised Strangers’]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 22–39.

Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom v 2 t.* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. 2 Vols.]. Vol. 1. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya. St Petersburg, Obshchestvo Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”. 596 p.

Pis’ma i donesenii iezuitov o Rossii kontsa XVII i nachala XVIII veka [Letters and Reports of Jesuits about Russia in the Late 17th and Early 18th Centuries]. (1904). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. III + [1] + 382 + [2] + 11 p.

PSZ-1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Edition. 45 Vols.] (1830). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 150. List 1. 1619. Dos. 4; 1651. Dos. 12; 1652. Dos. 7; 1671. Dos. 4; 1701. Dos. 14; 1703. Dos. 12; 1703. Dos. 26; 1716. Dos. 3; 1717. Dos. 10.

RGVMF [Russian State Archive of the Navy]. Stock 212. List 1. 1720. Dos. 41.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 495. List 1. Dos. 106.

Robert, G. (1983). La Révocation de l’édit de Nantes et les professions de santé. In *Histoire des Sciences médicales*. Vol. 17. No. 2, pp. 181–187.

Rossiya-Frantsiya: Vek Prosveshcheniya: Russko-frantsuzskie kul’turnye svyazi v 18 stoletii. Katalog vystavki [Russia – France. The Age of the Enlightenment: Russian-French Cultural Connections in the 18th Century. Exhibition Catalogue]. (1987). Leningrad, Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 304 p.

Rzheutskii, V. S., Guzevich, D. Yu. (t/a). *Inostrannye spetsialisty v Petrovskoi Rossii: vykhodtsy iz Frantsii i frankoyazychnoi Shveitsarii* [Foreign Specialists in Petrine Russia: People from France and Francophone Switzerland].

Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Polovtsev, A. A., Bytchkov, A. F., Shtendman, G. F. (Eds.). (1881). Vol. 34. Doneseniia frantsuzskikh poslannikov i poverennykh v delakh [Reports of French Envoys and Cargées d’Affaires]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. XLVII + 560 + [3] p. Stendman, G. F. (Ed.). (1884). Vol. 40. Doneseniia frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of La Vie, French Consul in St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIII + LXXXII + 498 p. Shtendman, G. F. (Ed.). (1885). Vol. 49. Doneseniia frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of La Vie, French Consul in St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. LXIX + 427 p.

Sistematicheskii svod sushchestvuyushchikh zakonov Rossiiskoi imperii v 15 t. [Systematic Code of Existing Laws of the Russian Empire]. (1818). Vol. 6. (Part 1. Vol. 5, Add.) St Petersburg, Tipografiya Komissii sostavleniya zakonov. 379 p.

Tumanskii, F. (1787). *Sobranie raznykh zapisok i sochinenii, sluzhashchikh k dostavleniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh Gosudarya Imperatora Petra Velikogo* [Collection of Various Notes and Essays, Serving to Bring Complete Information about the Life and Deeds of Emperor Peter the Great. 10 Parts]. Part 2. St Petersburg, Shnor, pp. 186–190.

Veucelin, V. E. (1896). *Les Lyonnais et la Russie au siècle dernier*. Lyon, Impr. Mougin-Rusand. 21 p.

Vypiska iz podlinnogo dela, o stroenii v sele Dedinove korablia Orla i drugikh morek-hodnykh sudov, 19.6.1667–30.3.1667 [Extract from the Original Case of the Building in the Village of Dedinovo of the *Oryol* Frigate and Other Seagoing Vessels, 19.06.1667–30.03.1667]. (1853). In *Dopolneniia k Aktam istoricheskim v 12 t.* Vol. 5. St Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, pp. 211–216.

The article was submitted on 18.09.2017